

МОЖНО ИНАЧЕ

А время было —
Стихи я свои топила,
Как в ведре котят.
А как иначе?
Топишь их, топишь и плачешь —
Тонуть не хотят.

Нельзя оставить
Дышать им да в ведре плавать...
Но разве раздашь?
У других — лучше.
У моих — хвосты да уши —
И весь антураж.

Иной жалеет —
Холит своих да лелеет —
Они жрут да спят.
Мои — убоги,
Сослепу лезут под ноги,
И в тепло хотят.

Не разберутся,
О руки чужие трутся —
Но страшны на вид.
Моим, кургузым,
Поддать сапогом под пузо
Любой норовит.

Топлю в ведре я,
Не пестуют коль, не греют —
Не родись на свет.
Топлю и плачу —
С котами можно иначе...
Со стихами — нет.

ТЫ ХОЧЕШЬ?

Выйду в холодный март, задохнусь тоской.
Ветер-слепец будет трогать мое лицо...
Хочешь Москву? Что ж — я буду тебе Москвой.
Хочешь кольцо? — добуду тебе кольцо.

Что же тебе еще? Ну, давай — желай!
Щукой волшебной ржавею в твоих сетях:
Пальцы на клавишах? Тихий собачий лай?
Книги на полках? Дом на семи ветрах?

Все ты давно имеешь — лицо, крыльцо.
Рыбкой непозванной тихо иду ко дну:
Хочешь колечко? Я буду тебе кольцом.
Хочешь... луну? — достану тебе луну.

Я — ИВА

Гордо раскинут кроны
Тополь, береза в срок.
Я же стою склоненной —
Ивовый я пруток.
Мне ль тополиной статью,
Ростом ли щеголять?
Белой березы платье
Иве ли примерять?
Иве — вдове плакучей —
В реку ронять печаль.

Небо набухнет тучей,
Ветер совет в спираль.
Смерч пролетит, ломая
Гордые тополя.
Я же стою. Живая.
Гибкая ива — я.

МАМА МЫЛА РАМУ

Чистый четверг

Нынче я, как букварная истина —
Мою рамы, стираю, варю.
Жизнь для мамы без рамы — немыслима,
Если верить тому букварю.

Я и верила, как мне завещано:
«Мама мыла», а «Луша мала».
«Шар у Шуры». Конечно. Конечно... Но —
Шура — дура, а мама — ушла.

Мне осталась лишь рама немытая,
Да купель под названием таз.
Шура-дурочка горюшко мыкает.
В общем, жизнь в букваре — не про нас.

Только я унывать не приучена.
Мне букварные истины — свет.
Мама — к раме, к тазу неминуемому.
Луша плачет, и выхода нет.

Дом намытым стеклом улыбается.
Дождь пасхальный пускает слезу.
Только это уже не считается.
...Я купаю ребенка в тазу.

ЧУЖАЯ ЗИМА

Как тяжело зима мне легла на плечи,
Словно соболья шуба с плеча чужого.
Лето извечно лечит, зима — калечит.
Только б дожить до лета, дожить до слова —
Первого слова, теплого, как теленок,
Как горизонт в июне — вздох громадный.
Рыбой зубастой воздух цедить каленый,
Медными жабрами звон издавать нескладный.
Жить в теплой заводи, двигая плавниками,
Не для того, чтоб плыть — чтоб забыть в покое
Про ледяное брюхо и серый камень,
Шубу соболью, снег и плечо чужое.

ЗИМНИЙ ГОРОД

Мой старый город, я больна сегодня
Твоей простудной слякотной зимой.
Бреду неспешно в давке новогодней.
Мой дряхлый город, посиди со мной
Вот здесь, на хлипкой парковой скамейке,
В интимно-теплом круге фонаря.
Мир кутается в снег, как в телогрейку,
Не веря на исходе декабря,
Что снег вечерний легок, как девчонка,
Недолговечен, как ее «люблю».
Луна, как шарик летнего пинг-понга,
Скатилась в руки древнему Кремлю.

ХОЛОДНО-ГОРЯЧО

Спрячется детство в памяти глубоко —
Черной горбушкой плюхнется в молоко.
Звонкой кричалкой хитро блеснет зрачок:
«Холодно... Холодно... Холодно... Горячо!»

Сказкой забытой примется ворковать.
Рваным мячом закатится под кровать,
Иль зашуршит за печкою, как сверчок:
«Холодно-холодно-холодно-горячо».

Вспомнятся шрамы, ссадины, синяки...
Соло шмеля мохнатого, светляки.
Старые кеды — выданный «язычок».
«Холодно-холодно-холодно-горячо».

Вера святая в чудо, в «мы не умрем»...
Детство и лето — кончатся сентябрем.
Снова, как в жмурки, ощупью, за плечо...
Холодно. Холодно. Холодно... Вот и все.

ИЮНЬСКИЙ ВЕЧЕР

Устал за окошком вороний хрип.
Рублевскою фреской закат искрится.
Расхристанный вечер к стеклу прилип,
Таращится в дом, а войти боится.

И больно в груди от ненужных слов
Несказанных, сдавленных в горле влажном.
...потрепанный томик твоих стихов
Травинкой заложен на самом важном.